

ПСИХОЛОГИЯ
ДЛЯ ЖИЗНИ

Маруся Светлова

ВОСПИТАНИЕ ПО-НОВОМУ

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТО, ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ

Маруся Леонидовна Светлова

Воспитание по-новому

Серия «Психология для жизни»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8609044
Воспитание по-новому: Весь; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-904777-09-8*

Аннотация

Каждый из нас, родителей, проходит опыт первооткрывателя в сфере воспитания ребенка. Нас никто не учил, как воспитывать детей. Как правильно реагировать на их поведение? Какими способами, методами с ними взаимодействовать?

Но каждый может стать хорошим, настоящим родителем. Мы можем творить отношения полные любви, принятия, понимания, настоящей близости и доверия, отношения защищенности и поддержки, настоящей и глубокой любви.

Помни: мы – хорошие родители!

Просто – давай станем еще лучше!

Содержание

Глава 1. Что мне с ним делать?	5
Вечный вопрос	5
Что такое воспитание?	14
Кого ты хочешь получить?	19
Мне не нравится в ребенке...	22
Мне нравится в ребенке...	25
Ребенок должен...	31
Цель определяет средства	34
Глава 2. Методы «воспитания»	36
Поучения	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Маруся Светлова

Воспитание по-новому

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Что мне с ним делать?

Вечный вопрос

Шесть лет назад моя дочь ждала рождения своего первого ребенка, моего внука.

Она ответственно подошла к подготовке к родам – посещала школу мам, чтобы знать, как формируется ребенок и какой он на разных стадиях беременности. Она делала специальную зарядку и слушала на ночь спокойную и красивую музыку. Она правильно питалась и училась правильно дышать и распределять нагрузку при родах. Она выбрала очень хороший роддом, который так и назывался – «Роддом бережного отношения к ребенку». Понимая, как важны первые минуты и часы жизни ребенка для его мироощущения, они с мужем выбрали платную палату, в которой ребенок все вре-

мя находился с мамой и которую могли посещать родные.

И когда я спустя несколько часов после родов пришла к ней, я увидела их вместе – маленького Никитку и счастливую дочь. Все прошло хорошо и легко, так, как она, подготовленная к родам, и ожидала. И дочь, смеясь, рассказала мне, как столкнулась с первой трудностью:

«Представляешь, мам, я его родила, его забрали, чтобы помыть, обследовать, меня в палату привезли. Я все жду, что его принесут, а его все нет и нет. И я говорю медсестре:

– Где же мой ребенок? Мне же нужно, чтобы он со мной был, чтобы не оставался в одиночестве...

А она смеется:

– Сейчас принесу вашего ребенка... Успеете еще с ним натетешкаться...

И правда, через несколько минут приносит, вернее, привозит, его в прозрачной такой каталочке и оставляет меня с ним.

Она уходит, а я смотрю на него: он спит – такой маленький, такой хорошенький. И тут я с ужасом думаю: „И что мне теперь с ним делать?“

То, что нужно было делать до родов, чтобы родить его здоровым, чтобы роды прошли хорошо, чтобы грудь была готова к кормлению, – все это я сделала. И вот он родился. И я сижу наедине с ним и не знаю, а дальше-то что? Что теперь-то мне с ним делать?

Я, мам, выхожу в коридор и кричу вдогонку медсестре:

– Вернитесь, пожалуйста.

Она приходит такая озадаченная – говорит:

– Что-то случилось?

– Нет, – говорю, – ничего не случилось, только вы мне скажите: теперь-то что мне с ним делать?

Она не сразу поняла, спрашивает:

– Как – что? Заплачет – к груди приложите. Или пеленки посмотрите, может, сменить нужно. Или покачайте, или животик погладьте...

Мне, мам, конечно, легче стало, потому что хоть что-то стало понятно. Но вообще – какой ужас! Родить-то я его родила, но вот что дальше с ним делать, как его воспитывать – ничего же не знаю...»

Мы посмеялись тогда над этим страхом. Но мне кажется, именно это чаще всего и чувствуют родители, оставаясь один на один со своим ребенком.

Особенно в первые дни, когда он такой маленький. Когда нет еще никакого опыта. Когда, даже беря его на руки, испытываешь опасение – как бы ему не навредить.

Но со временем все налаживается, становится понятным, входит в какую-то систему, как ряд пузырьков и баночек, стоящих на комод. Вот бутылочка с водой. Вот присыпочка. Вот ватные тампончики. А тут – стопка подгузников. Тут – чистые пеленки. И появляется какой-то навык ухода за младенцем.

И мы, гуляя с колясками, общаемся с такими же родителями, делись своими впечатлениями или опасениями, делись первым опытом родительства.

Этот период, если можно так сказать, «начального» общения с ребенком, очень интересен родителям. Появляется много новых атрибутов – бутылочки, сосочки, погремушки, присыпочки, салфеточки... Появляется много новых занятий – купание и пеленание, кормление, укачивание. Это так интересно и волнующе сначала – уход за ребенком. Это уже известно женщинам – из их детского опыта игры в куклы. Только вот кукла стала живой.

И первые год-два жизни ребенка проходят в этом интересном волнующем взаимодействии. Ребенок растет, вот он уже сидит. Вот он ползает. Он начинает ходить, он произносит первые слова. Он сам, его действия вызывают столько эмоций! И опять молодые родители обсуждают это с другими родителями, вышедшими на прогулку со своими малышами.

И, как правило, в первые несколько лет жизни с ребенком родители уже наигрываются этой ролью – быть родителем. И даже немного устают от этой роли. Она становится привычной. И сама роль – быть родителями – становится понятной. И появляется ощущение, даже уверенность, что родители теперь *знают*, что нужно делать с ребенком. И тесное общение с другими родителями прекращается: зачем, когда и так все понятно? И на фоне этой иллюзорной уверенности и возникают все новые и новые вопросы.

Потому что если бы все и заканчивалось тем, что – к груди приложи, пеленки смени, протри яблочко, покорми из ложечки, сложи вместе с ним пирамидку...

Но ребенок растет и исследует мир вокруг себя – начинает брать в руки какие-то предметы или тянет пальчики к розетке. Или поднимает с земли какую-то гадость и тащит ее в рот, чтобы попробовать на вкус. И надо как-то его воспитывать, надо что-то с ним делать.

Ребенок растет, и в процессе его роста постоянно возникают ситуации, требующие нашего реагирования, иногда – мгновенного. Возникают проблемы, требующие разрешения. И на смену одной проблеме – плохо ест или не убирает игрушки – приходит другая, посложнее: не хочет идти в сад, не слушается, вредничает. И опять возникает вопрос – что с ним делать?

И с ростом ребенка проблем становится больше. Пишет как курица лапой. Не усидчив. Плохо учится. Что с ним делать?

А дальше – дерется с детьми, а дальше – дерзит учительнице, а дальше – дружит с плохим мальчиком... А дальше – на дискотеку хочет, а ему еще рано. А дальше – требует купить дорогую вещь. А дальше – домой не дозовешься. А дальше – учебу забросил... И что с ним делать? Что со всем этим делать?

Этот вопрос красной нитью проходит во всех наших отношениях с детьми. И это совершенно нормальный вопрос, по-

тому что нас действительно не научили, что делать с детьми, когда они рождаются. Что делать с ними, с их поведением, с их нежеланием что-то делать, или желанием делать то, что делать не нужно.

И при этом мы не только должны как-то реагировать на поступки и поведение детей, мы сами должны для них что-то делать. Мы должны научить их пользоваться ложкой, складывать одежду, чистить зубы, быть вежливым и опрятным. Мы должны их воспитывать. Но как? Какими способами, методами?

И я опять обращаю твое внимание, что именно тогда, когда ребенок, вырастая, начинает совершать поступки, взаимодействовать с другими детьми и получать свой опыт жизни, когда и начинается серьезный этап воспитания – мы, родители, уже успокоенные тем, что знаем, что такое быть родителем, и сталкиваемся с множеством ситуаций и проблем, требующих действительно нашего осознанного и грамотно-го реагирования. И мы остаемся наедине с ребенком в окружении всех проблем, связанных с его ростом и меняющимся поведением. И начинаем приобретать свой новый опыт.

И этот первый опыт нас, «воспитателей», как правило, содержит огромное количество ошибок. Потому что нас, действительно, никто не учил, как воспитывать ребенка. Мы это делаем так, как получается. Мы делаем это так, как нам подсказывают наш социальный опыт, социальные правила и нормы.

Начинают работать вложенные в нас (и чаще всего совершенно не осознаваемые нами!) убеждения и представления о том, что такое воспитывать ребенка, что такое быть родителем.

Эти убеждения и представления и создают целый ряд действий, которые мы предпринимаем в ответ на все наши «что с ним делать?».

Жизнь есть то, во что ты веришь. Эту фразу ты найдешь в каждой книге этой серии, потому что, действительно, жизнь есть то, во что ты веришь.

Наша система убеждений и верований заставляет нас совершать определенные действия и поступки, приводит нас к результатам, заранее определенным нашими убеждениями и верованиями.

Наши убеждения о самих себе – своей ценности, значимости – заставляют нас что-то делать, а что-то не делать, с чем-то соглашаться, что-то терпеть, на что-то претендовать согласно этой стоимости и ценности.

Наша вера или неверие в себя, в собственные силы определяет все наши «могу – не могу», «получится – не получится».

Наша картина мира, представления о мире и его возможностях полностью определяют наше место в этом мире, отношения с миром, использование или не использование его возможностей. (Обо всем этом подробно и глубоко мы погово-

ворим в книге этой серии «Мысль творит реальность».)

Наши мысли о других, наши представления о том, кто находится рядом с нами, вызывают целый ряд конкретных действий по отношению к людям, определяют наши поступки.

И если рассмотреть любые человеческие отношения, то система убеждений, которая в них работает и определяет их содержание, их качество, зависит от нескольких составляющих.

Это представления обо мне самом, как о части отношений. Кто я? Чего я стою? Что я должен? Что я могу и не могу?

Это представление о другом человеке, с которым я вступаю в отношения. Кто такой другой человек? Какое место в отношениях я ему отвожу? Какую роль? Что он может делать? Что он должен делать?

Это представления о самих отношениях. Зачем они нам? Какова их цель? Что я хочу от них получить? И если мы говорим сейчас об отношениях с ребенком, то в моих отношениях с ребенком важны убеждения обо мне самом как о родителе, убеждения о ребенке и убеждения о цели воспитания.

В систему моих убеждений о себе как о родителе, входят представления – что такое вообще – быть родителем? Какие качества я должен проявлять? Что я должен делать? Что я могу или не могу делать с ребенком? Ответы на эти вопросы и определяют мои действия в воспитании ребенка.

В систему моих убеждений о ребенке входят представле-

ния – кто такой ребенок? Это отдельное от меня существо или часть меня, моя собственность, которой я должен управлять? Какой он – маленький или большой? Самостоятельный или беспомощный? Слабый или сильный? Зачем мне ребенок? Какую роль он играет в моей жизни? Ответы на эти вопросы и определяют мою позицию по отношению к нему.

И очень важны представления о самом воспитании. Что мы понимаем под этим словом? Что это такое – *воспитывать* ребенка? Что должно происходить в процессе взаимодействия между родителем и ребенком? Какова цель воспитания? Что я как родитель должен получить в результате? Какого ребенка я хочу получить после моего воздействия на него?

Все эти представления и определяют все мои «что с ним делать?», приведут к конкретным результатам воспитания.

Две группы представлений – что такое быть родителем и что такое для меня ребенок – это глобально важные представления, от которых будет зависеть стиль воспитания и которые приведут к таким же глобально важным последствиям для нас и наших детей. Анализу этих убеждений будет посвящена книга «Искусство быть родителем». В ней мы подробно рассмотрим все особенности работы этих убеждений и все их последствия.

В этой книге мы сконцентрируемся на тех наших убеждениях и представлениях, которые напрямую относятся к самому процессу воспитания, к цели воспитания.

Что такое воспитание?

Что такое воспитание? Что мы понимаем под этим словом? Что мы вкладываем в само понятие «воспитание»? С этих вопросов я начинаю тренинг для родителей. Потому что именно эти – базовые – представления о воспитании и определяют все наши «что с ним теперь делать?».

– Воспитание – это передача знаний и опыта, – говорит кто-то.

– Точно, – соглашаюсь я. – Только при чем здесь родители? Знание и опыт дети получают в любом случае, независимо от того, передашь ли ты их. Попадая в социум, они впитывают существующие в нем знания, получают представления, что можно и что нельзя. Ты думаешь, если ты не объяснишь ему, что нельзя брать чужое, то ему никто это не расскажет?

Я умышленно иногда спору с родителями, завожу их, чтобы подвести их к более осознанному, осмысленному представлению о воспитании.

– Воспитание – это искоренение недостатков, – говорит кто-то.

И я улыбаюсь, потому что знаю, что кто-то это обязательно скажет. Потому что воспитание для большинства родителей и есть поиск недостатков в ребенке и искоренение их. Именно так воспринимается большинством родителей ребенок – как что-то несовершенное, «недоделанное» или уже

испорченное.

Поэтому и воспитание зачастую понимается как «переделывание» ребенка, «искоренение» того плохого, что в нем есть. (Интересно только – откуда оно в нем появляется, ведь в новорожденном ребенке еще нет ничего плохого?!)

Это, к сожалению, распространенные и вложенные в нас социумом убеждения о воспитании. Так воспитывали нас – указывая нам на наши недостатки и требуя «исправления». Таков стиль «воспитания» в обществе. Так было и, к сожалению, так есть и сейчас в школе, институте, на производстве. Нас сначала отругают, показав, что мы сделали неправильно, нам сначала укажут на все наши недочеты и недостатки, и только потом (что очень маловероятно!) похвалят.

– Воспитание – это воздействие взрослого, умного, умудренного опытом человека на молодое, неопытное, незнающее существо... – такую формулировку серьезно, даже помпезно произнес на тренинге один папа, и я опять улыбнулась, услышав ее.

Папа явно был в жизни начальником – и формулировка эта звучала как деловая инструкция. Но как далеки дети от деловых инструкций, так и само воспитание часто не вписывается ни в какие инструкции, даже противоречит некоторым правилам.

– Взрослый, умудренный опытом и умный – это родитель? – уточняю я. – А маленький, беспомощный и незнающий – ребенок?

Меня развеселила эта формулировка, потому что и отдаленно она не отвечала тому, что такое воспитание.

Сколько ограниченных, злых, неумных родителей встречала я на своем веку психолога-практика! И сколько мудрых, умных, добрых в своем понимании, принятии и всепрощении детей я узнала!

Ах, если бы все это было действительно так – взрослый, мудрый, умный и добрый человек воздействует на маленького человека, и в итоге получается еще один взрослый, мудрый, умный и добрый человек. Одна совершенная личность воздействует на другую, менее совершенную, и в результате получается еще одна совершенная личность.

Но вот только возникает вопрос: совершенны ли мы, взрослые? И так ли мы всегда умны (не говоря уже о мудрости!)? И что получается в результате нашего «воздействия», если у нас откуда-то появляются (и как они только такими становятся?!) вредные, противные, капризные, трудные, иногда – отвратительные дети?

Но это отношение к воспитанию как к воздействию большой, знающей, важной и значимой личности на маленькое, незнающее, бестолковое и беспомощное существо – типично для большинства родителей. Именно так распределены роли.

Есть я – взрослый, умный (?), знающий (?), главный (!) – который и воздействует.

И есть он – маленький и бестолковый, и он должен подчиняться моему воздействию, слушаться меня, главного.

И такое распределение ролей потребует определенных методов воспитания, в которых мое главенство будет возможно и смыслом которых будет – подчинить ребенка, добиться его послушания. Мне просто необходимы будут именно такие методы воспитания.

С таким отношением к воспитанию я просто не могу (мне незачем это делать!) пользоваться методами, в которых ребенок – равная мне личность. Личность, которую я уважаю, и сам, в процессе нашего взаимодействия, расту вместе с ней. Зачем мне это надо, когда я и так уже умный и знающий?

Но как часто этот ум, мудрость, «главность» мы приписываем себе автоматически, только потому, что мы – старше! И как часто мы ошибаемся! Но это одно из неосознанных социальных представлений, впитанных нами с детства – убеждение о воспитании как о главенстве взрослого над маленьким, о подавлении маленького авторитетом взрослого (хотя часто кроме возраста у воспитателя нет никакого авторитета!).

Я знаю, что, когда мы начинаем обсуждать эту тему, многие взрослые, «мудрые» и «главные» родители возмущаются тем, что я ставлю под сомнение их авторитет. Но разве авторитет определяется возрастом? И многим родителям приходится с трудом признавать, что роль – быть главным и мудрым – нужно заработать так же, как авторитет и уважение ребенка.

– Воспитание – это воздействие на ребенка с целью сде-

лать его каким-то, — звучит новая версия.

— Прекрасно! — говорю я. — Воспитывая ребенка, мы, действительно, каким-то его формируем. Тогда каким мы должны его сформировать? Что мы должны получить как результат? Какова цель воспитания? — спрашиваю я.

И в ответ — тишина.

Как воспитывать детей знает каждый, за исключением тех, у кого они есть.

Патрик О'Рурк

Кого ты хочешь получить?

Эти вопросы всегда вызывают у родителей ступор. Еще ни разу в жизни, проведя десятки тренингов для родителей, я не услышала ни одного нормального ответа на эти вопросы.

Потому что часто об этом вообще не задумываются. Мы рожаем детей, не успев осознать, для чего мы это делаем, какими их хотим вырастить. Ребенок просто появляется, *заводится* (как моль в шкафу – именно такие ассоциации вызывает у меня это слово!). А потом – надо же что-то с ним делать?!

Это удивительно, но, когда я покупаю мебель, я имею четкую картинку – какую мебель хочу видеть в своей квартире. Когда приобретаю машину, у меня есть четкая картинка – какой марки машину хочу видеть в своем гараже. Но когда меня спрашивают: «Какого ребенка ты хочешь видеть рядом с собой?», в ответ – тишина... Потому что об этом чаще всего вообще не думают.

Но если ты не думаешь о цели, ты никогда не получишь то, что ты хочешь. Потому что ты не знаешь, чего ты хочешь! И мы воспитываем, даже не задумываясь – что должны получить как результат.

– Какого ребенка ты хочешь воспитать? Каким он должен стать? – упрощаю я вопрос. И всегда получаю растерянные ответы:

– Ну, чтобы хорошо себя вел...

– Чтобы был аккуратным, вежливым...

– Чтобы стал хорошим человеком... – после такого ответа всем становится легче, как будто эта формулировка вбирает все основное. Действительно, этим все сказано: надо воспитать хорошего человека...

– Мой папа был хорошим человеком. Очень хорошим человеком, – говорю я. – Он был действительно хорошим человеком – добрым, душевным, умным. И он прожил тяжелую жизнь, полную ошибок и одиночества. Он много страдал от этого, много пил. Он много болел, перенес несколько операций и умер от рака в страшных мучениях... Никому из ваших детей я не пожелаю прожить такую жизнь. Но человеком он был хорошим, – говорю я. – И я знаю много таких *хороших*, даже очень хороших людей, добрых, милых, отзывчивых, но абсолютных неудачников в жизни, не способных за себя постоять, проживающих тяжелые проблемные жизни... Разве таких детей мы хотим воспитать?..

И в ответ – покачивание голов – конечно же, конечно же, нет!

Тогда – каких? И как трудно всегда формулируется ответ на этот вопрос!

Эта наша неосознанность в такой важной сфере, как воспитание ребенка, можно сказать, норма нашего времени и нашего менталитета, нужно это признать. Крайне редко в моей практике встречались родители, относящиеся к этим

вопросам действительно серьезно. Крайне редко (но, к счастью, такие случаи все же были!) на тренинги приходили родители, которые только еще ждали детей, приходили именно для того, чтобы ответственно и осознанно подготовиться к тому, как воспитывать ребенка, когда он появится на свет.

На самом деле, это, действительно, очень важные, глобальные по значимости вопросы – мне дана жизнь другого, отдельного от меня человека – что я с ней сделаю? Что я сделаю с ним? Каким его сделаю? Как это отразится на всей его жизни?

Нам нужно ответить на эти вопросы, чтобы перейти к осознанному осмысленному воздействию на наших детей.

Чтобы начать осознавать, что же такое воспитание, что является целью воспитания, давай проанализируем наши родительские желания, наши ожидания от детей. Осознавая, что нам нравится или не нравится в наших детях, их поведении, нам легче будет понять, какими мы хотим их видеть, что мы хотим получить в результате нашего на них воздействия. И, в конечном счете, поможет понять – какие же цели воспитания мы ставим перед собой.

Мне не нравится в ребенке...

Каждый раз, начиная тренинг, я даю родителям простое задание. Я прошу разделить лист бумаги на две половинки и на одной из них написать, перечислить все, что нравится в ребенке, на другой – что не нравится, что хотелось бы исправить, чем они, как родители, недовольны.

И знаешь, что всегда происходило? Список того, что не нравится в ребенке, всегда был больше, объемнее, подробнее, чем список того, что в нем нравится.

Что же нам не нравится в наших детях?

Нам не нравится, что они нас не слушают, что они шумят, мусорят, не хотят есть, пачкают одежду, кланчат деньги, трагуют их на глупости, дружат не с теми детьми, плохо учатся, не хотят учиться, не хотят ходить в детский сад и в школу, их не добудишься по утрам и не уложишь по вечерам, они бегают, топают, суют нос не в свое дело, дерутся – или не дерутся, когда надо дать сдачи, мямлят, орут благим матом в самом неподходящем месте, предъявляют претензии, обвиняют нас, что мы им что-то не купили, все время чего-то хотят, хотят глупости, не дают нам спокойно отдохнуть, не дают спать, чего-то боятся, скулят, ноют, бегают за нами, как привязанные на веревочке, норовят уйти из дома, их не загонишь домой с улицы или наоборот, не выгонишь на улицу, они создают столько проблем, они постоянно болеют, требу-

ют внимания, не оставляют нас в покое и т. д. и т. п.

Первые двенадцать месяцев мы учим наших детей ходить и говорить, а следующие двенадцать лет – сидеть и помалкивать.

Филлис Дилер

Меня всегда поражал этот список наших претензий к детям. Слушая все эти «не нравится», я всегда думала: «Интересно, в детях вообще хоть что-то хорошее есть?!»

Давай еще раз подробнее, как под микроскопом, рассмотрим эти наши «не нравится». Что нам не нравится? Почему не нравится? Кому не нравится?

Мне не нравится, когда мой ребенок шумит, топает ногами или кричит, громко поет песни или слушает громкую музыку. Почему мне это не нравится?

Потому что *я хочу* тишины. А он хочет – топать, бегать, петь или слушать громкую музыку. И мне не нравится, что *он не делает того, что хочу Я*.

Мне не нравится, что он не ест кашу, которую я ему приготовила. Почему мне это не нравится?

Потому что *я хочу*, чтобы он ел эту кашу. А он не хочет. *Он не хочет делать то, что хочу Я*.

Мне не нравится, что он не хочет убирать за собой игрушки, или наводить порядок в комнате, или делать генеральную уборку. Почему мне это не нравится?

Потому что *я хочу*, чтобы он это сделал. А он не хочет. Он хочет играть, или читать, или слушать музыку. *Он не хочет делать то, что хочу Я.*

Мне не нравится, когда он клянчит деньги на мороженое, или на игрушку, или на диск. Почему мне это не нравится? Потому что *я не хочу* на это тратить деньги. *Я не хочу*, чтобы он покупал то, что он хочет.

Хотим мы этого или нет, но наши дети не нравятся нам по двум причинам.

Нам не нравится, когда они делают то, *что мы не хотим, чтобы они делали.*

Нам не нравится, когда они *не делают того, чего мы хотим, чтобы они делали.*

И поэтому – нет конца этим «не нравится».

Даже когда наши дети нам нравятся, они нравятся нам при определенных условиях, в определенных рамках. И эти рамки и условия опять определяем мы, взрослые. Это наши собственные желания или нежелания.

Мне нравится в ребенке...

Нам нравятся искренность и открытость ребенка. Нам нравится его естественность, способность по-детски чисто и наивно что-то рассказывать, выдавать какие-то свои секреты. Мы умиляемся, слушая наших детей, их забавные высказывания, наивные рассуждения.

Умиляемся... Но до поры до времени. Пока их рассуждения и рассказы не переходят границы, которые мы устанавливаем.

Я помню, как в детстве открыто и искренне, по-детски наивно сообщила всем гостям, собравшимся у нас по поводу какого-то праздника:

– Дядя Петя пришел, он теперь все съест! Он один может целое ведро супа съесть!

Гости мило посмеялись, дядя Петя тоже изобразил какое-то подобие улыбки, а я после ухода гостей получила трепку от родителей за то, что говорю глупости. А я со своей искренностью и открытостью просто передала смысл разговоров, которые вели взрослые перед приходом гостей. Дядя Петя, действительно, славился хорошим аппетитом, вот бабушка и мама и шутили – нужно ведро супа приготовить, раз Петр придет.

Нам нравится открытость, естественность и искренность детей, но – в *определенных рамках*. И рамки эти устанавли-

ваем мы сами.

Нам нравятся искренность и открытость детей, выраженная *только нам*. Нам не нравится, когда они так же открыты с другими.

Нам нравится искренность и открытость наших детей, когда они говорят *приятные нам* вещи. А когда они искренне и естественно выражают свои чувства, говоря о приготовленной тобой каше: «Фу, какая каша невкусная!..» Или: «Ты меня опять обманула... Ты – плохая мама...» Такая искренность и открытость нам совсем не нравится. За такую «искренность» хочется дать по губам!

Нам нравится, когда наши дети веселятся, хохочут, заливаются смехом, радуются. Они такие милые, когда открыто выражают свои эмоции. Нам нравится это естественное выражение эмоций. Но опять в определенных рамках!

Нам нравятся их *хорошие* эмоции, *приятные нам* эмоции. А когда он орет в магазине, выражая свое возмущение тем, что ему что-то не покупают? А когда он ноет или капризничает, выражая свое недовольство чем-то? Такие эмоции нам не нравятся. Такой ребенок – вредный и противный!

Нам нравится, когда они естественно выражают свои чувства. Но только те чувства, которые *нам* нравятся!

Нам нравится доброта наших детей, способность делиться с другими. Но опять же – до определенной степени. Кто установил этот предел? Мы, взрослые.

Мне как-то в детстве бабушка принесла кулек конфет и

сказала: «Не забудь угостить ребят». Я и угостила ребят. Вышла на улицу и угостила всех ребят. Конфет в кулке не осталось. А я получила очередной нагоняй – надо же быть такой бестолковой, весь кулек конфет раздать!

И я тогда искренне недоумевала: кулек конфет-то был мой, я думала, что могу им распоряжаться, как хочу, оказывается – нет! Нужно делать так, как скажут взрослые!

Нам нравятся наши дети, когда они нас понимают, соглашаются с нашими требованиями, входят в наши обстоятельства, например, что сейчас нет денег и мы не можем им что-то купить. Сколько раз мы говорили нашим детям:

– Ты уже большой мальчик/девочка! Ты должен понять...

И они нравятся нам, когда они нас понимают. А когда не понимают? Когда не хотят соглашаться с нашими объяснениями? Когда не хотят жить по нашим правилам?

Такие дети нам не нравятся. Таких детей мы отвергаем, ругаем, критикуем.

Нам нравится, когда они стоят за себя, дают сдачи в драке, защищают себя в споре, отстаивают свою позицию в разговоре со сверстниками. А когда они спорят *с нами*? Когда отстаивают *свою* позицию, а не поддерживают нашу? Когда они защищают себя от *нашего* самоуправства? Такие дети нас бесят и раздражают! Такие дети нам не нравятся!

Нам нравится их любознательность, их вопросы, их интерес к миру. Но только до тех пределов, которые мы сами для них устанавливаем. Нам не нравится, когда они начина-

ют интересоваться тем, чем, по нашему мнению, им не нужно интересоваться, когда суют нос не в свои дела, спрашивая, например, почему мама с папой поссорились.

Нам нравится, когда они соглашаются с тем, что *мы* для них выбираем. И мы запикиваем наших детей (именно это слово иногда полностью отражает наше отношение к ним!) в группу изучения английского языка, спортивную секцию или в музыкальную школу, не интересуясь, хотят ли они этим заниматься. Мы считаем, что лучше них знаем, что им нужно. И нам совсем не нравится, когда дети не соглашаются с нашими выборами, протестуют, бунтуют, когда они *сами* хотят выбирать себе занятие.

Нам нравятся наши дети, когда мы им нравимся. Мы просто обожаем таких детей, которые говорят: «Моя мама – самая красивая! Мой папка – самый сильный!»

Нам нравится, когда они оценивают нас *хорошо*. Мы любим таких детей.

А когда они оценивают нас *плохо*? А когда они нами недовольны? Когда они выражают нам свои претензии? Когда обвиняют нас? «Так нечестно... Ты обещала... Ты обманщица...» Таким отношением к нам мы возмущаемся до глубины души. Такие дети нам не нравятся.

Нам нравятся дети, которые нас прославляют. Нам нравится хорошее поведение наших детей, когда нам завидуют знакомые, говоря: «Какой у вас замечательный ребенок!» Нам нравится, когда их хвалят, когда они где-нибудь высту-

пают, теща наше самолюбие. Когда примерно себя ведут, хорошо учатся и нас хвалят на родительском собрании. Нам нравится, когда они хорошо выглядят – чистые, аккуратные, красивые. Нам нравятся нарядные и чинные дети, похожие на кукол.

А когда они нас позорят? Когда плохо себя ведут или плохо учатся? Когда приходят домой чумазые, притаскивая в дом песок или грязь с улицы? Нравятся нам такие дети? Нет, не нравятся.

Нам не нравятся такие дети. Нам не нравятся свободные дети. Не нравятся неуспешные дети. Нам не нравятся дети со *своими* взглядами, со *своими* желаниями.

Нам не нравятся неудобные дети. Нам не нравятся непослушные дети. Но что такое неудобный и непослушный ребенок?

Это ребенок, который делает то, что хочет делать. Который естественно выражает свои мысли и чувства. Который активно исследует мир, поэтому приходит домой грязный, в испачканной одежде. Который не живет по нашим правилам и ограничениям.

Это ребенок, который далеко не всегда слушает наши советы, а делает так, как *сам* считает нужным.

Который не делает того, что мы ему говорим, а делает то, что *сам* хочет делать.

Который не соглашается с нами, а *сам* решает.

Как неудобны такие дети для родителей! И как удобны

послушные и исполнительные!

Поэтому нам так нравятся удобные для нас дети. Нам нравятся послушные дети.

Но что такое удобный и послушный ребенок?

Это ребенок, беспрекословно выполняющий наши требования, понимающий наши ограничения, соглашающийся с нашими выборами. Делаящий то, что *мы* хотим, чтобы он делал. Не делающий того, что мы не хотим, чтобы он делал.

Это ребенок, который слушает то, что Я ему говорю, делает так, как Я ему говорю, соглашается с тем, что Я ему говорю.

И отсюда вытекает неосознанная, но мощная по силе цель воспитания – формирование такого вот – удобного для родителей послушного ребенка.

Как однажды сформулировала это одна мама, говоря о своей трехлетней дочери:

– Господи, скорее бы она доросла до того, чтобы села у телевизора, сложила руки, закрыла рот, молча смотрела бы и не мешала жить!

И это действительно – самая распространенная цель воспитания – воспитать послушного, удобного ребенка.

И эта, чаще всего неосознанная, цель воспитания и определяет в дальнейшем большинство наших «что с ним делать?».

Это – одна из неосознанных целей воспитания. Есть и другие.

Ребенок должен...

– Что должен уметь твой ребенок? Каким должен быть твой ребенок после твоего педагогического воздействия на него? – спрашиваю я родителей, чтобы помочь им осознать, каким они хотят воспитать своего ребенка.

Я прошу представить тот конечный результат воспитания, к которому они когда-то придут: готовый ребенок, воспитанный ими, – каким он должен быть? Я прошу это сделать опять-таки для того, чтобы осознать – какова же наша цель и что нам, родителям, исходя из этой цели, нужно делать с ребенком?

И начинается интересный и всегда одинаковый поток ответов:

- Он должен быть аккуратным...
- Должен хорошо себя вести...
- Должен уважать других...
- Должен быть вежливым...
- Должен быть хорошо воспитанным...

Перечень этих «должен» длинный, разнообразный – и всегда одинаковый.

Он должен что-то делать или чего-то не делать.

Он должен как-то действовать или не действовать.

Этот перечень – всегда *про поступки, поведение* ребенка, и никогда – о нем самом.

Этот перечень всегда о том, как он должен себя *вести*, а не о том, каким он должен *быть*.

Хотим мы этого или нет, но наши неосознанные представления и убеждения о цели воспитания чаще всего направлены на достижение *хорошего внешнего поведения* детей. Мы хотим научить их хорошо *себя вести*, правильно *себя вести*, *вести себя* так, как принято. И этот перекося цели нашего воспитания на достижение *хорошего поведения*, а не на формирование каких-то качеств личности, позволяющих ребенку *быть* каким-то – и определяет потом многие наши «что с ним делать?», наши методы воспитания.

Но первое и самое важное, что мы должны сделать для наших детей, – это не научить быть аккуратными или вежливыми (этому их научит сама жизнь, социум). Надо научить их быть сильными и уверенными в себе. Надо научить их стоять за себя, занимать свое место в жизни, иметь *свою* позицию. Быть таким – чтобы в его жизни все получалось. Но эта важная цель – научить ребенка быть сильным, уверенным, ценящим себя, стоящим за себя – практически не ставится большинством родителей.

И эта главная цель воспитания, высшая цель воспитания: формирование ЛИЧНОСТИ – сильной, независимой, активной, яркой – заменяется десятками мелких, важных, но второстепенных: научить быть аккуратным, вежливым, воспитанным, уважающим старших.

В следующей главе, посвященной конкретным методам

воспитания, ты увидишь, как эти мелкие цели, становясь главными целями воспитания для многих родителей, разбиваются, уничтожаются, делают невозможным достижение главной, высшей цели воспитания – формирование ЛИЧНОСТИ.

Цель определяет средства

«Цель определяет средства» – это знают все. Цели воспитания, которые стоят передо мной как перед родителем, и определяют эти средства.

Для формирования правильного, послушного и удобного мне ребенка я буду использовать те методы воспитания, которые будут соответствовать моим целям.

Понимая воспитание, как воздействие на ребенка с целью его «доделать», «переделать», «улучшить», я буду выбирать те методы и способы воспитания, которые помогут мне в этом «улучшении» неправильного ребенка.

Для формирования хорошего внешнего поведения ребенка я буду неосознанно использовать те методы, которые позволят мне формировать это хорошее *внешнее* поведение. Эти методы меньше всего направлены в глубину личности ребенка, на его чувства, мотивы его поступков. Ведь главное – чтобы он хорошо себя вел!

Мы, действительно, совершенно неосознанно, но при этом абсолютно точно выбираем подходящие под наши цели методы воздействия на ребенка. И методы эти, самые распространенные и чаще всего используемые – поучение, критика, наказание, – и нужны именно для воспитания удобного, послушного ребенка, для его «переделывания» и достижения хорошего поведения.

Давай рассмотрим эти методы, чтобы увидеть, к каким *реальным* результатам приводит их использование. Чтобы мы могли сформулировать осознанно и ответственно новые цели воспитания, направленные на формирование яркой, сильной личности ребенка. Чтобы мы могли изменить стиль отношений с нашими детьми и перейти от критики и отвержения к любви и принятию.

Глава 2. Методы «воспитания»

Нас, действительно, никто не учил, как воспитывать ребенка. И уж тем более – правильному применению каких-то методов воспитания. Мало того, большинство родителей знать не знают, что то, что они иногда делают с ребенком, – это метод воспитания. Поэтому в силу нашей неопытности, в силу ряда еще нескольких причин, о которых речь пойдет ниже, мы применяем методы воспитания, как умеем, как придется, как получается.

В этой главе я хочу обратить твое внимание на некоторые особенности самих методов, которые мы неосознанно выбираем для достижения нужных нам целей воспитания, и на наше типичное применение этих методов, приводящее к множеству ошибок и плохих последствий для ребенка, да и для нас самих.

Поучения

Мы, действительно, должны многому научить наших детей, многое объяснить. Мы должны познакомить их с окружающим миром. Помочь им разобраться в поступках, которые они совершают. Для всего этого и существует метод поучения.

Это очень распространенный метод – мы постоянно что-то объясняем нашим детям, на что-то обращаем их внимание, что-то вместе с ними обсуждаем. Мы иногда читаем им целые лекции, иногда – нудные проповеди, иногда – длинные нотации.

Мы рассказываем детям, почему по утрам восходит солнце, почему нужно обязательно чистить зубы. Мы показываем, как устроен какой-то механизм, и объясняем, что не нужно дергать за хвост котенка – ему больно. Мы рассказываем много интересного об окружающем мире, и лица у нас в такие минуты очень добрые и хорошие. И интонации – самые мирные и дружелюбные:

– Посмотри, какой маленький цветочек, – говорит мама малышу. – Видишь, он только еще распускается, видишь, какие маленькие у него листики? Скоро он станет большим, красивым... Мы не будем его рвать, пусть растет, он живой...

– Ты видишь, какая красивая бабочка сидит на листике?

Посмотри, какие у нее крылышки. Какой у нее мохнатый животик, видишь – она испачкала животик пылью и сейчас полетит к другому цветочку и опылит его...

Нам есть что рассказать, чему научить наших детей. Мы делаем это постоянно, объясняя ребенку что-то, стремясь научить его чему-то.

И парадокс заключается в том, что когда мы говорим с ребенком об окружающем его мире – о котятках или бабочках, о листиках или тучках, наша интонация полна уважения и любви. Но когда мы начинаем говорить с ребенком о нем самом, о его поступках – что-то случается с нашей интонацией, что-то происходит с нашими лицами. И мы уже не так доброжелательно и открыто, не так мирно говорим ему:

– Ты зачем это сделал? Ты что, не понимаешь, что так не делают!

– Ну-ка сейчас же брось эту гадость! Я кому сказала!

К сожалению, очень часто происходит это превращение из только что мирной мамы, рассказывающей о комарике или стрекозе, в гневную, строгую мать, говорящую с ребенком *о самом ребенке* и его поступке. И тон ее становится жестким, солдафонским. И лицо становится строгим, осуждающим.

– Моя мама плохо себя ведет! – заявил однажды мой внук, придя на кухню, где я готовила ужин.

– Плохо себя ведет? И что же она делает? – поинтересовалась я.

– Она корчит рожи! – заявил ребенок, и я после его слов

потеряла дар речи от изумления.

– Корчит рожи? Как это – корчит рожи? Где? Зачем? – спросила я, оправившись после такого неожиданного заявления.

– Пришла ко мне в комнату, – начал объяснять ребенок, – стала говорить мне, чтобы я все убрал, и начала корчить рожи! – сказал он возмущенно и сделал такое лицо, которое, по-видимому, и показывало, какие «рожи» корчит мама. Его физиономия приняла сердитое выражение, он насупил брови и пристально посмотрел на меня. Я едва сдержалась от хохота и отвернулась, чтобы он не увидел улыбку на моем лице.

– Маруся, ты поговори с мамой, скажи, чтобы она рожи не корчила! – Он сказал это строго, требовательно и вышел из кухни, а я тихо рассмеялась. И подумала – и правда, зачем родители «корчат рожи», когда говорят с детьми? Почему бы им не говорить с нормальными, спокойными, открытыми, доброжелательными лицами?

Позже, когда я рассказала дочери о нашем разговоре и попросила ее не «корчить рожи», мы вдоволь насмеялись. И дочь, изумленная этим рассказом, тем, как ее воспринял ребенок, говорила с удивлением:

– Нет, мам, ну ты представляешь, я к нему раз зашла, говорю: «Убирай игрушки». Второй раз захожу – он продолжает играть. Захожу еще раз и уже говорю ему строго: «Так, что это такое? Ты почему ничего не убираешь?» – И дочь сдела-

ла при этом такое лицо, какое недавно изобразил малыш. Я расхохоталась – она опять «корчила рожи», – и дочь, поняв, почему я смеюсь, тоже рассмеялась и сказала удивленно:

– Надо же, я даже не замечала, что я такое лицо делаю...

Но именно с «такими лицами» общается с детьми большинство родителей. Мы становимся строгими мамами и папами, которые уже не *поучают*, а скорее, *отчитывают* ребенка.

Мало того, как только мы подходим к оценке поступков ребенка, объяснению ему, что так делать нельзя, проявляется еще одна особенность нашего использования этого метода. Мы входим в роль «учителей», «лекторов», «педагогов». Тут, я думаю, и включаются наши неосознаваемые, но очень хорошо работающие убеждения, что ребенок – существо бестолковое, которое учить и учить надо, а родитель – тот мудрый и знающий, который его сейчас и научит. И мы с высоты нашего положения высокомерно и непринимаяще говорим:

– Что это за новости! Это что такое, я тебя спрашиваю?!

И мы постоянно именно так и «поучаем» наших детей.

Но сам стиль нашего общения с детьми, наше *высокомерное* обращение – уничтожает весь педагогический эффект поучения. И мы поучаем, поучаем детей, а они почему-то продолжают совершать плохие поступки. Мы учим их хорошему, но они почему-то вырастают иногда «плохими» детьми.

Наше поучение не работает. Потому что ребенок при таком стиле общения с ним постоянно чувствует себя ущемленным, неправильным. Иногда – просто униженным. И это не стимулирует большинство детей быть правильными. А иногда – вызывает прямой протест, приводит к обратному результату.

И я обращаю твое внимание на то, что мы, действительно, в поучении очень часто переходим на унижающую ребенка интонацию. И не просто унижаем его в процессе поучения, но еще и нагружаем нашими поучениями, перегружаем его ими. Мы читаем им целые лекции о том, какими надо быть, а какими – не быть. Мы читаем им нотации, в которых указываем на их ошибки. Мы их отчитываем. Мы произносим целые проповеди.

И это еще одна особенность того, как родители используют этот метод.

Мы «переживаем» наше воздействие. Мы как бы «добиваем» ребенка нашими поучениями. Этим грешат многие родители.

– Ты зачем испачкал одежду?.. – спрашивает ребенка мама. – Нет, ты мне ответь, ты почему испачкал?.. (Сама постановка вопроса уже неправильная – ребенок испачкал одежду не «зачем», не «почему» – он ее просто испачкал. Уже испачкал – и разбираться в этой ситуации можно только с тем, *как так получилось*, чтобы в следующий раз он был аккуратнее!)

– Нет, ты на меня смотри, когда я с тобой разговариваю! – продолжает мама. – Ты мне объясни, почему ты такой грязный пришел!..

Ребенок молчит, потому что действительно не может ответить на все эти «почему».

– Я не слышу твоих ответов! – непримиримо произносит мама.

Ей все еще мало. Она хочет, чтобы ребенка «проняло». Но его давно уже «проняло». «Проняло» еще в ту минуту, когда он увидел, что испачкался. Когда услышал первую грозную фразу. Но маме все еще мало «педагогического» эффекта.

– Ты что, думаешь, ты будешь пачкать, а я буду стирать? Как ты хорошо устроился! У тебя совесть есть?..

На ее интонацию, даже ненависть в голосе – уже опущена голова, ребенок уже почти не дышит, он уже давно все понял, он уже сто раз внутри раскаялся, он уже готов, что называется, под землю провалиться от стыда. Но мама не понимает.

– И сколько это будет продолжаться? Ты собираешься и дальше ходить грязным? Ты так и будешь пачкать одежду? Не слышу ответа! – опять грозно говорит мама. Говорит все это, как врагу, забывая, что перед ней – ее ребенок, который всего-навсего в игре на улице испачкал одежду.

Мы унижаем детей, это нужно признать, и не просто унижаем, иногда – просто «размазываем» за какие-то их провинности, которые, как правило, не стоят такого бурного и «тщательного» реагирования. И именно поэтому поучение

так часто дает обратный эффект. Мы учим, учим ребенка, воспитываем его, воспитываем, а он – не улучшается, а даже ухудшается.

Этот метод – наше взаимодействие с ребенком, наша поддержка его в познании окружающего мира, самого себя, своих поступков – мог бы быть прекрасным методом воспитания, если бы нас не «заносило» в значимость, если бы мы видели перед собой равного себе, хорошего и уважаемого нами человека. Тогда нам не нужно было бы менять интонацию разговора о луже, которая появилась потому, что прошел дождик, на недовольную и гневную в разговоре с ребенком, который ступил в эту лужу. Тогда бы мы могли ровно и спокойно объяснить ребенку, что ходить по лужам можно только в сапожках, что вода в луже грязная, поэтому она пачкает ботиночки. А не переходить на крик: «Куда тебя понесло! Да что это за ребенок такой!» И действительно, чего орать, когда он уже стоит в луже?!

Когда мы рассказываем и объясняем что-то ребенку, в котором видим уважаемую нами личность, наша интонация всегда ровная, мирная, дружелюбная. Действительно, чего нам «рожи корчить», чего нам высокомерно отчитывать, когда мы говорим на равных с хорошим человеком?

Но если мы видим в ребенке мелкого хулигана, непослушного, вредного ребенка – вот тогда наша интонация и наши лица во всей красе и передают наше истинное отношение к нему.

Есть еще одна особенность того, как мы зачастую используем этот метод.

Мы говорим детям, что нельзя брать чужое, что нехорошо драться, что надо мыть руки перед едой, надо застилать постель... Мы говорим, говорим, но это не работает.

Почему? Да потому, что мы сами не соответствуем этому. Мы учим тому, что сами не выполняем.

Родители меньше всего прощают своим детям те пороки, которые они сами им привили.

Фридрих Шиллер

«Нехорошо брать чужое», – говорю я ребенку и запрещаю брать мои вещи. Но сама я хожу в рубашке мужа или надеваю мамин халат – и отчитываю дочь, которая надела мои туфли или намазала губы моей помадой.

Мы читаем детям лекции о необходимости соблюдать чистоту, убирать игрушки, наводить порядок в комнате. А что творится в наших комнатах? На наших письменных или кухонных столах? В наших шкафах? Всегда ли мы сами соответствуем тому, чему поучаем?

Мы читаем целые лекции нашим детям о микробах, об инфекциях, о мухах, которые их переносят, о необходимости мыть руки перед едой. Но сами мы – моем их? Всегда?

Если бы мы сами всегда мыли руки перед едой, то нам не приходилось бы говорить об этом. Если мы каждый раз перед

едой вместе с ребенком моем руки – это для него становится нормой, правилом жизни. Он даже не задумывается, нужно ли это делать, – он просто это делает. Ежедневно, по крайней мере три раза в день. Но вот если мы сами не моем руки систематически и так же систематически не следим за тем, чтобы он их мыл, – этот навык у ребенка не формируется. Но у нас появляется повод для поучения:

– Тебе сколько раз сказали – надо мыть руки!

– Опять руки не помыл? Ты когда научишься руки мыть?

Детям нужны не поучения, а примеры.

Жозеф Жубер

И мы снова вынуждены читать проповеди:

– Ты что, не понимаешь...

Есть еще одна специфика именно этого метода воспитания. Мы считаем, что нам нужно говорить детям важные и правильные вещи. И именно в этом – в постоянном говорении, постоянном поучении многие родители и видят свой родительский долг.

И мы говорим. Говорим долго, проникновенно, возмущенно, недовольно. И то, как мы говорим с нашими детьми, иногда похоже на радиопередачу.

Ребенок что-то натворил – ты начинаешь вести радиопередачу на тему: «Как нужно было себя вести». И, проведя радиопередачу, с чувством глубокого удовлетворения от само-

го себя, с чувством полностью выполненного родительского долга – покидаешь ребенка. До следующей радиопередачи под названием «Надо соблюдать порядок» или «Надо ответственно относиться к учебе». Радиопередачи эти ребенок уже много раз слушал. И он на самом деле давно уже перестал их слушать, потому что знает все, что он в них услышит.

Радиопередачи эти, по большому счету, не имеют никакого смысла. Но я же должна говорить... Я же должна ребенку сказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.